

III. История Культуры

Михаил Блюменкранц

Между Добром и Свободой (к вопросу о «переоценке всех ценностей»)

Поводом к размышлению для меня послужила российская телевизионная программа «Народ хочет знать». В одном из ее выпусков обсуждался вопрос «Согласны ли Вы, чтобы Ваши дети поступились ради богатства нравственными принципами?». Ведущая предварила дискуссию данными социологического опроса, проведенного среди молодежи. Перевес голосов (54%) оказался не на стороне строгих блюстителей нравственности. Результат голосования в студии не слишком разошелся со статистикой.

Нельзя сказать, чтобы постановка проблемы отличалась новизной. Еще достопочтенный господин Голядкин из «Двойника» Ф.М. Достоевского формулировал этот фундаментальный вопрос человеческого бытия: «Лучше быть или лучше жить?» Вопрос актуален во все времена, но каждое время отвечает на него по-своему. Ответ – дело экзистенциального выбора личности, и нередко такой выбор между материальным преуспеванием и нравственными ценностями неоднократно меняется в рамках одной отдельно взятой биографии. Однако, существует то, что что именуется духом времени - идеальные ценности, манифестируемые в те или иные эпохи общественным сознанием, структурируемая социумом символическая реальность человеческого бытия. Вопрос господина Голядкина прозвучал бы в высшей степени нелепо, к примеру, для современников Сократа, поскольку условие «лучше жить» по их представлениям как раз и предполагало «лучше быть». Гражданин афинского полиса, следовавший идеалу *пандеи*, несколько иначе понимал смысл и достоинство человеческого существования, нежели большинство участников упомянутого телешоу.

Экскурс в историю можно было бы продолжить, но суть вопроса не в этом, проблема в ином: не переживаем ли мы сегодня провозглашенную еще Фридрихом Ницше «переоценку всех ценностей», в том числе, и наших представлений о человеческой личности, сложившихся в рамках религиозной христианской традиции?

В немецкой исторической мысли принято различать понятия культуры и цивилизации. У англичан и французов эти понятия используются как синонимы. Не-

мецкий взгляд мне ближе. Основное различие при этом между культурой и цивилизацией, разумеется, не сводится к простому подсчету накопленных материально-технических благ, дефиниция здесь не количественная, а качественная: это различные стадии, которые проходит человеческий дух в осмыслении окружающего мира и собственного бытия. Экзистирование, акцентирующее свою жизненную задачу на полагании «лучше быть», характерно для периодов культуры, «лучше жить» - выбор, преимущественно присущий эпохам цивилизации. Первый наполнен религиозно-этическим пафосом, второй – пафосом эстетическим, в кьеркегоровском понимании этого слова.

В современном мировоззрении соседствуют два диаметрально противоположных подхода, два крайне различных взгляда на природу человека, два полярных проекта подлинной экзистенции. Один, традиционный, нашедший свое выражение в христианской парадигме: «ибо мало пользы человеку, если даже он приобретет весь мир, но при этом повредит душе своей». Другой, в апофатической форме был удачно сформулирован одним из моих знакомых, представителем молодого, прагматически настроенного поколения: «хороший человек – это не профессия». Естественно, что речь в этом случае шла не о выборе специальности, а о выборе жизненных приоритетов. Что ты представляешь собой как личность – дело второстепенное, главное – насколько умело ты способен функционировать и извлекать из этого для себя практическую выгоду в безликом муравейнике современной индустрии массового производства-потребления. Основной критерий ценности человека – его материальная успешность.

Любопытно, кто из великих творцов мировой культуры прошел бы этот тест на столь прозаически понимаемую жизненную успешность? Профессионализма им, конечно, было не занимать, однако характер этого профессионализма был иной, напрямую связанный с богатством духовных возможностей личности, а не только с суммой неплохо усвоенных ремесленных навыков.

Невольно возникает вопрос, а нет ли прямой зависимости между процессами постоянного усложнения социальной и производственной сфер существования и упрощением душевной жизни современного индивидуума? Если так, то остается только гадать, что здесь следствие, а что причина. Или же это взаимообуславливающие друг друга явления, протекающие одновременно?

Рецепт осчастливить страждущее человечество путем упрощения внутренней жизни индивидуума предлагал еще Великий Инквизитор Достоевского. Похожий подход к делу гармонизации общества декларировал и герой «Краткой повести об Антихристе» Владимира Соловьева, увидевший высшее благо в том, чтобы соединить всех людей не моралью, а благами.

Попутно стоит отметить, что яростная атака Фридриха Ницше на христианские ценности, предпринятая им в «Антихристианине», по сути направлена на христианство, понимаемое им как раз в духе Великого Инквизитора. Именно такое христианство и делает людей маленькими. «Последний человек» Заратустры,

который «прыгает по Земле» и «беспрестанно подмигивает», - это представитель того миллиона «счастливых младенцев», поставленных на конвейерное производство Великим Инквизитором.

Принципиальным для понимания сути проблемы и у Достоевского, и у Соловьева, и у Ницше становится вопрос о человеческой свободе. Если Христос в поэме Достоевского видит высшее достоинство человеческой личности, залог ее духовной состоятельности в реализации данной человеку свободы, то выступающий оппонентом Христу старик Инквизитор убежден, что именно в свободе коренится основной источник всех бедствий и страданий, претерпеваемых родом человеческим на протяжении прошедших веков. Не свобода нужна человеку, полагает Великий Инквизитор, а счастье, «счастье для слабосильных существ, какими они и созданы». «Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как оставшись свободным, сыскать скорее того, перед кем преклониться... Вот эта потребность в общности преклонения и есть главнейшее мучение каждого человека единично и как целого человечества с начала веков.»¹

По мнению Инквизитора, человек ищет не столько Бога, сколько алтарь, не внутренней, а внешней опоры как точки своего экзистенциального самостояния. Слабость человеческой природы вызывает брезгливое сострадание и берется под патронаж Великим Инквизитором. Пафос его проповеди - «спасти человека от самого себя». Его сострадание к людям проистекает из чувства безграничного презрения к ним, в чем, собственно, герой поэмы откровенно признается своему пленнику: «Уважая его (человека – *прим. М.Б.*) менее от него и потребовал... Он слаб и подл».²

Подобная жалость к людям, воспринятая как основа христианского вероучения, в свою очередь вызывает презрительное отношение и со стороны Антихристианина, поскольку по его мнению «Христианство принимает сторону всего слабого, низкого, уродливого», и в результате выпасает «... домашнее, стадное животное... больное животное - христианина».³

И Великий Инквизитор, и Антихристианин обнаруживают общность воззрений на суть христианского учения, правда, персонаж Достоевского, в отличие от известного философа, противопоставляет свое понимание христианства тому христианству, которое, собственно, проповедовал Христос. «Мы исправили подвиг твой»⁴, - признается Инквизитор.

И все же при общности взглядов кардинально расходятся выводы. Если Инквизитор видит свою задачу в презрительном потакании «слабой человеческой природе» с целью осчастливить эти «миллионы младенцев» на свой инквизиторский лад, то для Ницше человек – это то, что должно быть преодолено. Он –

¹ Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. ПСС в 30 т.т. Л., Наука, т.14,с.231.

² там же, с. 233.

³ Фридрих Ницше. Антихристианин. В кн.: Сумерки богов, М., 1989, с.19.

⁴ Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы. ПСС в 30 т.т. Л., Наука, с. 234.

только мост к грядущему человеку. (По точному замечанию Хайдеггера, сверхчеловек в понимании Ницше - это не количественная характеристика, это не очень-очень хороший человек, обладающий совокупностью всех возможных человеческих добродетелей, а иное качество самой человеческой природы). В отличие от Великого Инквизитора, Ницше видит зло именно в катастрофическом дефиците внутренней свободы, связанном с измельчанием человеческой природы и атрофией в ней волевого начала.

Собственно соотношение Добра и Свободы становится для них узловым моментом, точкой напряжения, в которую стянуты все мучительнейшие вопросы человеческого бытия.

Не случайно все три произведения, о которых идет речь, и «Поэма о Великом Инквизиторе», и «Краткая повесть об Антихристе» и «Антихристианин», возникают на исходе 19 столетия, на пороге «великого слома» - страшных исторических потрясений новой наступающей эпохи. Художники иной раз способны чутко уловить первые сейсмические колебания духовной почвы, предвестия будущих катаклизмов. Именно в 20 столетии как, пожалуй, никогда прежде, была поставлена под вопрос свобода как отдельной личности, так и целых народов, а «бескорыстная» защита добра стала кровной заботой непреклонных гуманистов и пламенных палачей.

И Великий Инквизитор, и Антихристианин - убежденные провозвестники кастовой морали. Есть немногие избранные, полагает первый из них, взявшие на себя непомерное бремя личной свободы и миллионы слабосильных существ, счастливых вручить свою совесть и свободу выбора этому избранному меньшинству. Антихристианин исповедует мораль господ и рабов. Одни наделены непомерной волей к власти, волей к могуществу и потому пребывают по ту сторону добра и зла, другие - слабые и ничтожные, находят поддержку и утешение в жалких заповедях христианской морали. И Инквизитор, и Антихристианин выступают как защитники жесткой социальной иерархии. Оба проповедуют суровые нормы аристократической морали. Счастье - это удел рабов, удел господ - неизбывная тяжесть ответственности и долга, добровольно взятый на себя груз свободы. «И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими, - заключает свою исповедь Великий Инквизитор. - Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будут тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла.»⁵

«Чем выше, тем тяжелее жить, холод усиливается, возрастает ответственность», - повествует о суровой доле господ Антихристианин, в отличие от счастливой участи рабов, обреченных природой на счастье: «Что ты общественно полезен, что ты и функция и колесико, - предопределено природой: не общество, а

⁵ Ф.М. Достоевский, с. 236.

счастье, на какое только и способно подавляющее большинство людей, превращает посредственность в разумную машину. Для посредственности быть посредственностью - счастье...»⁶

Существует распростаненная точка зрения, что проповедь Великого Инквизитора и ницшеанская мораль господ и рабов предвосхитили практику двух самых мрачных в истории Европы тоталитарных режимов: коммунистического и фашистского. В известном смысле так оно и есть, но вполне ли защищена сегодня западная демократия, достижения которой принято противопоставлять ужасам тоталитаризма, от вируса этой коварной болезни? Не мутирует ли этот скрытый вирус в «здоровом» организме мирового сообщества, с тем, чтобы завтра неожиданно для многих обнаружиться в новой и привычно чудовищной форме?

Олдас Хаксли в романе «О дивный, новый мир» рисует перспективы демократического рая ничуть не менее светлыми, чем перспективы тоталитарного ада. Девиз образцового мирового государства, изображенного им, – Общность, Одинаковость, Стабильность. Методы достижения всеобщего благоденствия подозрительно напоминают проект Великого Инквизитора и перекликаются с соображениями Антихристианина. «Ведь как всем известно, - отмечает Хаксли, - если хочешь быть счастливым и добродетелем – не обобщай, а держись узких частных, общие идеи являются неизбежным интеллектуальным злом («гносеологической гнусностью»), как поддержал бы эту точку зрения анонимный представитель власти из набоковского «Приглашения на казнь»- прим. мое - М.Б.). Не философы, а собиратели марок и выпиливатели рамок составляют становой хребет общества».⁷ Все радости жизни для обитателей этого рая сведены к дозированному получению «ощущалок», все удовольствия носят тактильный характер, все проблемы снимаются при помощи химии: «Сомы грамм - и нету драм».

«Дивный мир», описанный в антиутопии Хаксли, вполне созвучен и представлениям об идеальном мироустройстве соловьевского Антихриста, считавшего необходимым для этого «... прочное установление во всем человечестве самого основного равенства – равенства всеобщей сытости» и собравшегося заменить «правду воздаятельную на правду распределительную».

«Европеец живет без Бога и, надо признать, живет неплохо, - констатирует Андре Глюксман в книге «Достоевский на Манхэттене», - но при этом он живет так, как если бы зла не существовало, и потому рискует плохо кончить».⁸

Одним из несомненных достижений европейской цивилизации является провозглашенный ею принцип толерантности. Прекрасно, когда рассудительная терпимость приходит на смену взрывам религиозной и национальной ненависти, сотрясавшей человечество на протяжении веков. Однако наша терпимость может происходить из разных источников. Есть терпимость, основанная на том, что я

⁶ Фридрих Ницше. Антихристианин. с.85.

⁷ Олдас Хаксли. О дивный, новый мир. М., 1989, с.165.

⁸ Анри Глюксман. Достоевский на Манхэттене, Екатеринбург, 2006,с.189.

имею свою точку зрения по тому или иному вопросу, но при этом готов уважать твое право иметь свою точку зрения, отличную от моей. Похоже, однако, что сегодня более популярным становится иной род терпимости: я толерантен, поскольку меня совершенно не интересует ни твой взгляд на вещи, ни ты, кто его высказывает. Ведь «сколько людей – столько и истин», и потому, как учит нас здравый смысл, «истина должна быть всегда конкретна». Зачем горячиться из-за каких-то пустых абстракций? Поэтому, если твое существование не мешает моему, мне совершенно безразлично как твое мнение, так и сам ты. Сфера человеческих коммуникаций в цивилизованном мире, как и любой другой вид сервиса, обязана прежде всего обеспечивать максимальный комфорт и удобства. На этом и строится сегодня культура отношений «людей одноразового использования». Принцип толерантности нередко является лишь следствием нашей моральной индифферентности. В худшем же случае он может использоваться как одна из эффективных технологий манипулирования человеческим сознанием в коммерческих или политических интересах. В конце концов и известную моральную сентенцию о том, что лучше быть недовольным Сократом, чем довольной свиньей, ныне каждый волен трактовать по-своему и решать для себя этот вопрос сам, непредвзято, исключительно в силу своих индивидуальных предпочтений. Мы ведь демократичнее, чем древние греки, и несоизмеримо толерантнее их. Уверяю Вас, что и в первом, и во втором вариантах Вашего выбора не содержится равным счетом ничего предосудительного для современного либерально мыслящего человека. Ведь как отмечал Вильгельм Дильтей: «Относительность всех исторических понятий является последним словом исторического видения мира».⁹ И в сущности, кому какое дело до Ваших индивидуальных предпочтений, если «наша цивилизация, - как верно подметил один современный философ, - это цивилизация средств, а не целей»¹⁰. Что ж удивительного, если в этой цивилизации средством неизбежно становится сам человек?

Вернемся вновь к «Поэме о Великом Инквизиторе». В споре Инквизитора с Христом сталкиваются две правды, два противоположных взгляда на сущность человеческой природы.

Правда Христа – вера в высокое предназначение человека, в Божий след, оставленный в его душе, в укорененность личности в вечных, метафизических основах бытия. Раскрытие этих начал в земной экзистенции человека предполагает реализацию человеком данной ему духовной свободы.

Правда Инквизитора – это правда «хлебов земных», гарантированных человеку его покорностью перед «чудом, тайной и авторитетом», - необходимыми условиями общественной стабильности. В отличие от Христа, человек в представлении Великого Инквизитора – не более, чем социальное животное, чье поведение

⁹ Цит. по кн. Мирча Элиаде. Миф о вечном возвращении. С.-П., 1998, с. 228

¹⁰ Цит. по статье «О настоящем и будущем: беседа Б.И. Кружилина с В.А. Лекторским», ж. «Вопросы философии», N1, 2007, с. 8.

жестко определяется социально-экономическими условиями его бытия. Духовная свобода человеку противопоказана, так как неприменно приводит его только к бунту, злу и страданиям, к попытке возведения очередной бессмысленной Вавилонской башни.

С позиций декларированного Достоевским эвклидова разума, всю полноту человеческого существа сводящего исключительно к социальным факторам, права Великого Инквизитора несомненна. В наш секуляризованный век такое понимание человеческой природы давно сделалось общественным достоянием, оно превалирует в массовом сознании. Набожный человек может регулярно посещать церковь и тщательно соблюдать необходимые ритуалы, но в своей повседневной, мирской деятельности он все равно вынужден будет руководствоваться прежде всего этими, прагматическими представлениями о действительности.

Наша эпоха – время великих похоронных процессий. Мы мужественно пережили целую череду невозполнимых утрат: смерть Бога, смерть автора, смерть романа, смерть читателя. И похоже, среди всех этих безвременных потерь мы незаметно для себя похоронили и личность, и теперь, в лучшем случае, можем претендовать разве что на неповторимую индивидуальность.

Один британский психоаналитик следующим образом прокомментировал судьбу современного человека: «Мы рождаемся безумными, потом обретаем мораль и становимся глупыми и несчастными, потом мы умираем».¹¹

Не удивительно, что наиболее осязаемое влияние на формирование культурных реалий современной цивилизации было оказано двумя, пожалуй, самими знаменитыми редуccionистами прошлого - Карлом Марксом и Зигмундом Фрейдом. Ими была проделана виртуозная работа по транспортировке каравана верблюдов через игольное ушко: сведения всего многообразия реальной жизни к нескольким универсальным законам.

Тем не менее, эксперимент со свободой, вернее, с ее успешной ампутацией, проведенный в духе Великого Инквизитора на большей части территории Европы, - положительных результатов не дал. Он показал, что отсутствие свободы само по себе к добру не приводит, и не только не облегчает человеческих страданий, но и во много раз их увеличивает.

Проблема на самом деле сложней. Она коренится в самом понимании свободы. Существует изощренная диалектика свободы: свобода оборачивается своей противоположностью, когда используется лишь как средство, в свою противоположность она обращается и тогда, когда становится самоцелью. О последнем искушении свободой предупреждал Семен Франк: «Нагое, лишенное содержания понятие свободы неизбежно перерастает в сознание себя свехчеловеком... Диалектика подобного понимания свободы в свехчеловеке состоит однако в том, что абсолютная духовная безграничность, которая, казалось бы сулит человеку

¹¹ Цит. по кн. Мирча Элиаде «Оккультизм, колдовство и люди в культуре». Киев, из-во София, 2002, с.60.

неисчерпаемое богатство, в действительности лишает его всякой внутренней опоры, опустошает и растворяет его существо. Из чистой, бесформенной потенциальности нет исхода, нет перехода к позитивному принятию решений. Абсолютный произвол равен для человека полному бессилию, поскольку он лишает его твердой почвы под ногами. В качестве абсолютного принципа элементарная свобода сама по себе оказывается демоническим потенциалом небытия и саморазрушения».¹²

Любопытное определение свободы дает Айрис Мэрдок в своей книге «Владычество добра»: «Свобода, строго говоря, - не осуществление воли, но скорее тот опыт *точного видения*, который, когда это уместно, производит действие».¹³

Свобода – неотъемлемая составляющая духовного существования индивидуума. Каким же это существование будет – во многом зависит от характера этической заряженности свободы. Свобода, не получившая этического наполнения, реализуется чаще всего как своеволие и произвол. Отсутствие того, что Мэрдок именуется «опытом точного видения», приводит к неизбежной демонизации свободы и духовному саморазрушению. Такой путь проходит герой «Бесов» Николай Ставрогин.

В своей философии Николай Бердяев исходит из примата свободы над бытием. Ясперс говорит, что «упражнение свободы в искании трансцендентного есть источник религий».

Угроза для свободы в нашем мире заключается в том, что свобода духовно не обеспечена. Ее политические и правовые гарантии сами по себе не представляются надежными. Примат такой свободы над бытием является лишь временной узурпацией власти. Вместо ясперовского искания трансцендентного, свобода сегодня успешно упражняется в окончательном его забвении. Свобода все более порывает какие-либо связи с этикой, с духовным измерением человеческого бытия, и становится автономной от духовной сферы существования. Такая автономия свободы делает ее разрушительной. То же происходит при автономизации Красоты и Добра.

Полное упразднение личной свободы тоталитарными режимами, и свобода, превозносимая как абсолютная и суверенная ценность современным либерализмом (например, Ричардом Рорти) – это только два разных способа упразднения духовного измерения человеческого бытия, два метода редукции личности к «счастливому» обитателю «всемирного муравейника», тоталитарного или демократического.

Куда же нам направить свои усилия, к чему приложить старания: к тому, чтобы работать над собой, или к тому, чтобы работать для себя? Сегодняшние кумиры и наши властители дум самым фактом своего существования красноречиво

¹² Семен Франк. Легенда и Великом Инквизиторе. В кн. «О Великом Инквизиторе». М., 1991, с.248.

¹³ Iris Murdoch. The Sovereignty of Good. 1970, p.27.

свидетельствуют в пользу второго варианта. «Лучше жить» - основная ценность человеческой экзистенции и критерий формирования современной элиты, неотвратно ведущей нас к полной и окончательной победе мирового гедонизма. Однако, вот незадача: в ходе радостного следования этим увлекательным маршрутом неожиданно обнаруживается, что этический нигилизм оборачивается, в то же время, обнищанием эстетического восприятия жизни, которое современная цивилизация отчаянно старается культивировать как свою последнюю ставку в борьбе за исторический имедж. Этически нейтральная, гедонистически реализуемая свобода неизбежно приводит к оскуднению символической реальности человеческого существования. О чем неоспоримо свидетельствуют большинство достижений искусства эпохи постмодерна, успешно стирающих все границы между предметным и символическим уровнями действительности. На смену символу приходит эмблема, в отличие от символа, надежно перекрывающая сознанию любые возможности трансцендирования, и способствующая простому продуцированию рекламно-клипового восприятия предметной реальности.

Что же имел в виду страстный певец «переоценки всех ценностей», когда с тревогой предостерегал: *Die Wüste wächst: weh Dem, der Wüsten birgt!* («Пустыня разрастается, но горе тому, кто несет пустыню в себе»?).¹⁴

¹⁴ Фридрих Ницше. Соч. В 2-х томах. М., Мысль, 1990, т.2, с. 221.